

Antonina Szelemowa

Два комментария к проблеме текста и интертекста "Слова о полку Игореве"

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 41-46

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Antonina Szelemowa

Rosyjski Uniwersytet Przyjaźni Narodów
Moskwa, Rosja

ДВА КОММЕНТАРИЯ К ПРОБЛЕМЕ ТЕКСТА И ИНТЕРТЕКСТА *СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ*

Ключевые слова: *Слово о полку Игоре́ве*, интертекст, лексема, поэтический образ Дева-обида, Гомер, *Илиада*, Гнедич

О лексико-семантической интерпретации фразы «смагу людемь мычючи въ пламянѣ розѣ»

Лексема «смага» в словаре Владимира Даля объясняется двояко: жар, пыль, огонь, пылымя, во-первых, и сухость, горение во рту от зноя, жажда, во-вторых¹. Однако Даль, определяя семантику лексемы, ссылаясь именно на текст *Слова о полку Игоре́ве*. Приводя в качестве примера анализируемую фразу, он интерпретировал её как «истребляя всё огнём»². Собственно употребление слова «смага» в смысле «жар» встречается в древнерусских памятниках лишь в XVI в., что подтвердил Измаил Срезневский³.

Вслед за Емельяном Огоновским, предложившим трактовать «смагу» *Слова...* в значении «живой огонь» (то есть, пускание огня трубами) подробно эту гипотезу обосновал Дмитрий Айналов⁴. Исследователь привёл отрывок из летописи под 941 г., в котором речь идёт о некоем «живом огне», обрушиваемом у Царьграда греками на русские корабли. Под 1184 г. в Ипатьевской летописи сообщается о применении подобного «живого огня» при набегах Кончака на Русь, но безотносительно к лексеме «смага». В литературе киевского периода она встречается только в *Слове о полку Игоре́ве*.

В комментариях к *Слову...* для популярного издания Библиотеки поэта (большая серия) литературоведы Алексей Бурькин и Никита Мещерский сохраняют семантику «греческого огня»: «смага» как «греческий огонь» – зажигательная

¹ В. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*, Москва 1980, т. 4, с. 230.

² Там же.

³ И. Срезневский, *Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*, Санкт-Петербург 1893-1903 (Воспроизведено: Москва 1958), т. 2, стлб. 223.

⁴ Д. Айналов, *Замечания к тексту «Слова о полку Игоре́ве»*, [В]: *Сборник к 40-летию учёной деятельности А. Орлова*, Москва-Ленинград 1934, с. 181-184.

смесь, использовавшаяся византийцами в морских сражениях и иногда применявшаяся половцами на суше»⁵.

Выражение «смагу людемъ мычючи» в древнерусском памятнике входит в контекст, семантически символизирующий распространение скорби и горя на Руси после гибели дружины Игоря: «А Игорева храбраго плъку не крѣсити! За нимъ кликну Карна, и Жля поскочи по Руской земли, смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ»⁶.

Если отвлечься от привычной установки на поиск соответствий значений отдельных лексем их реальным эквивалентам, а попытаться увидеть и понять хронотоп *Слова*... как феномен сугубо поэтической организации, то, как мне представляется, предпочтительнее будет осмысление лексического значения «смаги» во втором его варианте – в качестве синонима словам «сухость», «жажда». Отсутствие смысловой связи с «греческим огнем» можно обосновать следующими соображениями.

Во-первых, в *Слове о полку Игореве* мотив осушения входит в символическую комбинацию значений, связанных с ассоциацией поражения как лишения воды.

Во-вторых, в современном белорусском языке «смага» является одним из лексических эквивалентов русского слова «жажда». Янка Купала перевёл фрагмент из *Слова*... буквально:

І ўжо адважнага Ігара войска не ўскрэсіць!
Па ім Карына заклікала, гледзя на месяц.
Жэля па Рускай зямлі паняслася з трывогай,
Смагу наводзячы людзям у польмя рогу.⁷

Из русских поэтов-переводчиков не сменил на «огонь» исходную лексему Андрей Чернов:

Ибо кликнули
Карна и Жля:
Без дороги скачут,
Людям смагу мычут
пламенном роге!⁸

В других популярных переводах в большинстве случаев принимается семантика «греческого огня»: «пламя мечучи огненным рогом» (Сергей Шервинский⁹), «и огонь разметала из рога» (Игорь Шкляревский¹⁰), «огонь роздмухуючи в розі полум'яному» (Максим Рыльский¹¹) в синонимических вариантах: «в пламенном

⁵ Н. Мещерский, А. Бурькин, *Комментарий*, [в]: *Слово о полку Игореве*, Ленинград 1885, с. 460.

⁶ *Слово о полку Игореве*, [в]: *Памятники литературы Древней Руси. XII век*, Москва 1980, с. 372-386.

⁷ Я. Купала, *Слова аб палку Ігарвым*, [в]: *Слово о полку Игореве. Библиотека поэта. Большая серия*, Ленинград 1985, с. 325-326.

⁸ А. Чернов, *Слово о походе, войске и битве Игоря, сына Святослава, внука Олега*, там же, с. 135.

⁹ С. Шервинский, *Слово о полку Игореве*, там же, с. 135.

¹⁰ И. Шкляревский, *Слово о полку Игореве*, там же, с. 261.

¹¹ М. Рыльский, *Слово про Ігорів похід*, там же, с. 304.

роге пожар разнося» (Михаил Деларю)¹², «жар неся погребальный в пламенном роге» (Владимир Стеллецкий¹³), «потрясая искромётным рогом» (Николай Заболоцкий¹⁴), «кидая людям жар из пламенного рога» (Семён Ботвинник¹⁵).

В-третьих, во фразе «разбрасывать огонь из пламенного рога» ощущается определённая тавтология (sic: из огня да в полымя = из беды в беду). В физической реальности «пламя» есть результат «огня», и оно сине-голубое; однако на художественно-изобразительном языке эти лексемы воспринимаются, скорее, как слова-синонимы, близкие по значению и в цветовой символике ассоциирующиеся с багрово-красно-алыми красками. Пламенный – эпитет, усиливающий экспрессию (в полымя = в ещё большую беду). Не случайно чуткий к поэтическому слову слух талантливых литераторов подсказывал искать иные синонимы, уводящие от тавтологичности: «пожар», «жар», «искромётность». Александр Степанов, очевидно, почувствовав поэтическую неувязку с «греческим огнём», построил художественный образ на антонимическом противопоставлении: «раскидывая пепел в пламенном роге»¹⁶.

Василий Жуковский проассоциировал «смагу» с разоряющими землю войнами: «Жля поскакала по Русской земле, мча разорение в пламенном роге»¹⁷; ему вторит белорусский поэт Рыгор Бородулин: «... і Жля ў знямозе паскакала па Рускай зямлі, сеючы людзям гора з п'якельнага рога»¹⁸. Действительно, далее по контексту *Слова*... запричитали и от горя, и от разорения русские жены («Уже намъ своихъ милыхъ ладъ ни мыслию смыслити, ни думою сдумати...»). Константин Бальмонт в своем переводе сохранил предикат первоисточника «мычут пламя»¹⁹, что также семантически немаловажно. В архаическом восприятии разорение, осушение, обмеление, *жажда* пришли на *горемычную* Русскую землю в результате поражения и гибели Игоревой дружины.

И, наконец, последнее доказательство, которое базируется на нетривиальном выводе Бориса Гаспарова.

Несмотря на огромное разнообразие варьирования и большую отдалённость отдельных вариантов друг от друга и от той ядерной идеи, к которой они восходят, все варианты затмения, замутнения, всплеска в целом образуют неразрывную систему, каждый элемент которой имеет разветвлённую сеть бесспорных, текстуально закреплённых связей с другими элементами, в конечном счёте обязательно выводящих к ядерному символу затмения / гибели. Какие-либо два образа, взятые отдельно, могут на первый взгляд не иметь ничего сходного; но, будучи включены в общую систему, они обнаруживают своё единство и связь через ряд бесспорных посредствующих звеньев²⁰.

¹² М. Деларю, *Песнь об ополчении Игоря, сына Святославова, внука Олегова*, там же, с. 91.

¹³ В. Стеллецкий, *Слово о полку Игореве, Игоря, сына Святославова, внука Ольгова*, там же, с. 156.

¹⁴ Н. Заболоцкий, *Слово о полку Игореве*, там же, с. 173.

¹⁵ С. Ботвинник, *Слово о полку Игореве, сына Святославова, внука Олегова*, там же, с. 216.

¹⁶ А. Степанов, *Слово о полку Игоревом, Игоря, сына Святославова, внука Олега*, там же, с. 195.

¹⁷ В. Жуковский, *Слово о полку Игореве*, там же, с. 78.

¹⁸ Р. Барадулін, *Слова пра паход Ігаравы*, Мінск 1991, с. 138.

¹⁹ К. Бальмонт, *Слово о полку Игореве*, [в]: *Слово о полку Игореве...*, с. 120.

²⁰ Б. Гаспаров, *Поэтика «Слова о полку Игореве»*, [в]: *Wiener slawistischer Almanach*, Sdb. 12. Wien 1984, s. 110.

Если, следуя направлению мысли известного учёного, рассматривать хроно-топ *Слова о полку Игореве* как имманентно целостную поэтическую систему, то легко обнаружить семантико-лексическую параллель-перекличку метафорических образов в сцене плача Ярославны с анализируемым контекстом: «Чему мы-чеши (ветер) хиновъскыя стрѣлки на [...] моя лады вои? [...] Чему (солнце) [...] въ поле безводнѣ жажду имъ лучи съпряже, тугою имъ тули затче».

В мысленном представлении Ярославны ветер *мычет* на воинов Игоря вражеские стрелы; изнурѣнные **жаждой** – *поражением* и **тугою** – *горем*, побеждённые, “горемычные” русские витязи умирают. Карна же, как олицетворение скорби и плача по погибшим, **смагу мычучи**, разметала на горе русичам, разнесла по Русской земле беду – трагическую весть о поражении и гибели их соотечественников в кровавом сражении. При такой трактовке поэтического контекста **пламенный рог** являет собой аллегорический образ затмившегося солнца, предвещающий драматический финал похода Игоревой дружины – метафора, гениально преобразованная автором из сравнения, известного по летописи: знамень «въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти челоуѣкомъ, въ очю, яко зелено бяше, и въ солнци учинися **яко мѣсяць, из рогъ его яко угля жаровь исхожаше**»²¹.

Таким образом, полагаю, что поэтический фрагмент «смагу людемъ мычючи въ пламянѣ розѣ» резонно толковать, сравнивая горе и беду Руси именно со **смагой-жаждой**, а не с пресловутым «греческим огнём», сообразно тому, как перевели эту фразу классик белорусской литературы Янка Купала и русский поэт Андрей Чернов.

О рецепции поэтического образа Девы-Обиды из *Слова...* в переводе *Илиады* Гомера Николаем Гнедичем

В русскоязычной *Илиаде* Гнедича напрямую просматриваются интертекстуальные связи со *Словом о полку Игореве*. При сопоставлении подстрочного перевода некоторых фрагментов из гомеровской *Илиады* и художественных переводов Гнедича, Викентия Вересаева и Николая Минского с текстом древнерусского поэтического шедевра создаётся впечатление, что Гнедич сознательно использовал поэтическую лексику *Слова*, чтобы придать *Илиаде* архаический колорит.

Художественным открытием в переводе Гнедича является образ Девы-Обиды:

...Богиня могучая всё совершила,
Дщерь громовержца, Обида, которая всех ослепляет,
Страшная; нежны стопы у неё, не касается ими
Праха земного; она по главам человеческим ходит,
Смертных язвя; а иного и в сети легко уловляет²².

В гомеровской поэме лексемы «Обида» вообще не существует. В оригинале героиней, олицетворяющей «ослепляющее безумие», является богиня Ата. Вересаев перевёл строфы XIX песни буквально:

²¹ *Летописные повести о походе князя Игоря*, [в]: *Памятники литературы Древней Руси...*, с. 366.

²² Гомер, *Илиада. Одиссея*, [в]: *Библиотека всемирной литературы*, Москва 1967, с. 90. Далее ссылки на текст указываются в скобках.

Ата, чтимая Зевсом дочь, которая в силах
Всех ослепить. У проклятой нежнейшие ноги. Не ходит
Ими она по земле, – по людским головам выступает,
Ум затемняя людей...

Обида – индивидуальный, использованный лично Гнедичем вариант перевода. Естественно, напрашивается вопрос, почему он употребил именно эту лексему для обозначения имени богини раздора? Нет ли здесь влияния *Слова о полку Игореве*? Колоритнейший художественный образ Девы-Обиды, созданный гениальным безымянным поэтом древности, мог вполне впечатлить переводчика *Илиады*: «Въстала **Обида** въ силах Дажь-Божа внука, вступила дѣвою на землю Трояню, всплескала **лебедиными крылы** на синѣмь море у Дону...»

Данную версию возможно проверить, проведя сопоставление подстрочного перевода *Илиады* с древнегреческого и переводов Вересаева и Минского с некоторыми фрагментами из текста Гнедича, где он воспользовался близкими более к *Слову...*, чем к *Илиаде* образами и тропами. В качестве такого примера приведу метафору «задождали свистящие стрелы». В подстрочном переводе *Илиады* фраза звучит весьма поэтически ярко: «Им навстречу троянцы и Гектор бросили стенающие стрелы». У Вересаева наиболее верно передан поэтический нюанс тропа: «Вдогонку троянцы и Гектор сыпали с криком и гамом стениящие стрелы и копья». Вариант Минского менее впечатляет: «А мужи троянцы и Гектор с криком вослед посылают им стрелы, родящие стоны». Гнедич же создал метафору, основанную на сравнении «стрелы-дождь», тем самым оказавшись дальше всех от оригинала, а ближе – к поэтическому образу «итти дождю стрѣлами» – гениальному воплощению тропа в *Слове о полку Игореве*.

Весьма показателен и вариант перевода Гнедичем следующих строф *Илиады*:

Друг, сиди у меня и **багряным вином** укрепляйся;
Тѣплую ванну тебе Гекамеда кудрявая в куще
Скоро нагреет и **прах кровавый на теле омоет** (XIV, 5-7)

Сравним с оригиналом и другими переводами: в оригинале – «**смоет** запѣкшуюся кровь»; у Вересаева – «и **с тела** омоет кровавые сгустки»; у Минского – «и **прах с тебя** смоет кровавый». Гнедич выбрал самую поэтически выигрышную версию: не просто смыть с тела кровь и облегчить страдания, а, подобно, как в русском фольклоре омывали тело мёртвой и живой водой, именно омыть на теле, то есть возвратить к жизни. Так же Ярославна стремилась «на жестоцѣмь тѣлѣ» своего лады быстрее утереть раны.

И ещё один пример, иллюстрирующий творческий подход Гнедича к переводу поэтического текста: обозначение цвета вина и в предыдущем фрагменте, и в эпизоде, когда троянские женщины спрашивали Гектора об их воюющих родных, а он отвечал, что «многим беды угрожали». Тогда Гекуба предложила Гектору отвести беду, воздев руки к Олимпийцу и отведав вина, дабы «Зевсу отцу возлиять и другим божествам вековечным». Ответ Гектора был весьма символичным:

Сладкого пить мне вина не носи, о почтенная мать!
Ты обессилишь меня, потеряю я крепость и храбрость.
Черное ж Зевсу вино возлиять **неомытой** рукою
Я не дерзну, и не должно сгустителя облаков Зевса
Чествовать или молить, **осквернённому кровью и прахом** (VI, 264-268)

Цветовая характеристика вина как багряного (буквально в подстрочнике: «огненного на вид»; у Вересаева – искромётного; у Минского колоратив отсутствует) в тексте Гнедича трансформировалась в черного цвета окрашенность, то есть тёмную, багровую, мутно-красную. Это ассоциативно позволяет сблизить эпитет с синим вином *Слова о полку Игореве*. Во всей символике сна Святослава, имплицированной в том числе и «тревожными» цветообозначениями, ощущаются боль и переживание за беду Русской земли, за своих родичей. Оба фрагмента – из *Илиады* в переводе Гнедича и из *Слова...* близки по цветовой, тёмной и мутно-«нечистой» окрашенности. «Синее вино» *Слова...* в «мутном» сне «нечисто», с горем «смѣшено»; «черное вино» гнедичевского текста замутнено кровью (ср. в *Слове...*: «кровоавое вино») и не желаемо быть налитым «неомытой» рукою.

Наконец, стремление Гнедича архаизировать стиль своего перевода насыщением его старославянской лексикой можно рассматривать в том же ряду, что и повышенный интерес к поэтике *Слова о полку Игореве*. Это и привело, в результате, к парадоксальному влиянию позднего произведения на перевод более раннего текста.

Summary

Two comments to the problem of the text and intertext of *Igor's Tale*

The article offers an original interpretation of one of the controversial lexeme – “smaga” within the meaning of a “thirst,” but not a “fire” or “flame” and discusses the intertextual connection of Russian translate of *Iliad* by N.I. Gnedich with *Igor's Tale*. When comparing the interlinear translation of some excerpts from Homer's *Iliad* and its art translations from the ancient text gives the impression that Gnedich knowingly used poetic vocabulary “words” to give the *Iliad* archaic flavor.

Key words: *Igor's Tale*, intertext, lexeme, image of the poetry of Maiden-grievance, Homer, *Iliad*, Gnedich